

**Камень,
Ножницы,
Бумага**

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Камень, Ножницы, Бумага

<https://litres.ru/74304683>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Камень, ножницы, бумага" — это не книга о детской игре. Это философское исследование трёх архетипов, управляющих миром и человеческой душой. Камень — несокрушимая точка опоры, стоицизм, который становится тюрьмой. Ножницы — аналитическая жестокость, рассекающая реальность на "да" и "нет". Бумага — гибкая пустота, накрывающая сильных и обезоруживающая острых.

Автор превращает простой жест в метафору бытия: мгновение до броска становится нейрофилософским этюдом о свободе воли, симметричная ничья — портретом гражданской войны, а круговой баланс трёх начал — моделью справедливого мироздания.

Почему троица совершенна, а четвёртый элемент разрушает всё? Как пережить травму поражения, когда твоя онтологическая стратегия рухнет в секунду? И почему смысл игры не в победе, а в ритме вскидывания рук? Эта книга для тех, кто готов увидеть в дворовой считалке колесо Сансары, а в возгласе "Цу-е-фа" — мантру существования.

Содержание

Глава 1. Камень: Парадокс несокрушимости

4

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Сергей Патрушев

Камень, Ножницы, Бумага

Глава 1. Камень: Парадокс несокрушимости

Мы привыкли думать о Камне как о примитиве. Как о жесте дикаря, сжимающего булыжник, чтобы раскроить череп врагу или высечь первую, робкую искру огня, которая отделила человечество от животного мрака. В нашем детском, дворовом, почти ритуальном сознании Камень — это ставка игрока, который боится рисковать, это нулевая точка творчества, выбор тех, у кого не хватает ни воображения на причудливую конфигурацию ножниц, ни духа на аристократическую плоскость бумаги. Мы ошибаемся. Мы чудовищно, фатально, почти преступно ошибаемся, низводя архетип Камня до уровня грубой силы, до первобытного «огонь и дубина», ибо Камень — это самое сложное, самое многослойное и самое трагическое состояние материи и духа, доступное нашему конечному человеческому пониманию. В нём нет движения, но есть вектор времени, застывший, словно муха в янтаре. В нём нет биологической жизни, нет дыхания и тока кро-

ви, но есть абсолютная, не подверженная коррозии память о прошлом. Камень — это не агрессия. Агрессия предполагает направленный вектор, импульс, выброс энергии вовне. Но Камень ничего не выбрасывает. Он — свидетель. Он — точка опоры, которую искал Архимед вовсе не для того, чтобы перевернуть Землю, а чтобы удержать самого себя от падения в бездну метафизического хаоса. Сжатый кулак — это не угроза удара. Удар — это следствие, это движение. Но если кулак сжат и неподвижен, он становится утверждением бытия. Это судорога самосохранения. Это последнее, что остаётся у человека, когда мир рассыпается в прах, когда слова теряют смысл, когда Бумага договоров горит, а Ножницы справедливости ломаются о кость несправедливости: сжать пальцы вокруг пустоты и ощутить внутри ладони твердость собственного «я». Ощутить, что ты ещё существуешь, что ты ещё не стал перегноем, что в тебе есть это плотное, неподатливое ядро.

Философия Камня — это философия неподвижности в мире, который болен синдромом гиперактивности. Мы живём в эпоху, где скорость стала идолом. Информация несется со скоростью света, человеческие связи возникают и рвутся быстрее, чем заживает синяк, империи моды сменяют друг друга за сезон, превращая вчерашних королей в посмешище. В этом безумном хороводе, где Бумага строит свои мимолётные, эфемерные империи из медийных образов, репу-

таций и фальшивых новостей, а Ножницы бесконечно кромят ткань бытия в поисках новых, ещё более экстравагантных и уродливых форм, Камень отказывается от бега. Он не просто стоит на месте — он отрицает само понятие перемещения как ценности. Зачем куда-то идти, если всякий путь конечен? Зачем стремиться, если пик стремления — это всегда разочарование в достигнутом? Его сила — в гравитации, причём не столько в физическом притяжении к центру планеты, сколько в онтологической, бытийной тяжести. Камень обладает весом бытия. Это очень редкое качество в эпоху пластмассовых людей. Когда вы берёте в руку увесистый голыш, обкатанный морем — не острый обломок скалы, а именно голыш, над которым трудились тысячелетия приливов и отливов — вы чувствуете не просто массу в ньютонах и килограммах; вы чувствуете плотность времени, спрессованного в монолит. Это тактильное ощущение вечности. Ваши пальцы касаются эпох. Камень — это прошлое, ставшее настоящим. Он не обещает будущего, он не манит прогрессом, он не рассказывает сказок о том, как прекрасно будет завтра. Он говорит на своём глухом, беззвучном языке: «Я уже есть, и этого достаточно». В этом его пугающая, надменная, почти божественная честность. Ножницы лгут, обещая разрезать гордые узел проблем. Они обещают простое решение сложных вопросов: хочешь избавиться от дилеммы — разрежь её. Но жизнь не бумага, и края разреза кровоточат. Бумага лжёт, обещая накрыть реальность слоём

красивых смыслов, обернуть чёрное в белое, написать на могильной плите эпитет «герой». Только Камень не лжёт, потому что ему незачем заигрывать с реальностью — он сам и есть реальность в её самом неподатливом, несговорчивом, гранитном виде. Он — кулак, который никогда не разжимается в ладонь, потому что ладонь — это жест доверия, жест открытости, это протянутая рука для рукопожатия или для милостыни. Ладонь уязвима. На ней линии жизни, ума и сердца, которые так легко перечеркнуть лезвием. Камню не нужно рукопожатие. Ему не нужен контакт теплой, влажной, пульсирующей кожи. Ему нужна непроницаемость границы. Это жест-мантра: «Здесь начинаюсь я, и здесь я заканчиваюсь. Дальше хода нет». Это физическое воплощение принципа территориальной целостности души.

Это и есть стоицизм в его самом чистом, кристаллическом, безжалостном виде. Понятие стоицизма вульгаризировали, как и всё великое. Мы часто путаем стоицизм с бесчувственностью, с атрофией эмоционального интеллекта, представляя себе мраморное, античное лицо римского сенатора, не дрогнувшее под пытками, или лицо британского аристократа, который с каменной челюстью объявляет о разорении. Это карикатура. Истинный стоицизм, тот, что исповедует Камень, гораздо глубже и страшнее. Это не подавление эмоций, это их алхимическая трансмутация в плотность. Это дистилляция боли в силу. Сенека, этот великий певец Кам-

ня, зажатого между безумием Нерона и пропастью забвения, писал о том, что мудреца можно сравнить со скалой, о которую разбиваются волны. Но обратите внимание на гениальность и диалектичность этой метафоры: скала не борется с волнами. Она не отвечает ударом на удар, она не мобилизует мускулы, чтобы оттолкнуть воду. Она позволяет воде пениться, яриться, биться в истерике, вздыматься белыми бурунами, а затем спокойно стекать обратно в серую пучину моря, слизывая с камня собственную слюну. Неподвижность становится высшей формой сопротивления именно потому, что она выводит конфликт из плоскости силового противостояния. Тот, кто атакует Камень, неизбежно проигрывает, даже если визуально, сиюминутно, в моменте, он празднует победу. Волна разбивается вдребезги, теряя свою форму, свою структуру, свою суть воды, превращаясь в эмульсию и пену. А скала остаётся. Тиран может разрушить город, залить его огнём и засыпать солью, но он не может разрушить гранитные основания, на которых этот город стоял, эти циклопические блоки фундамента, уходящие в почву на десятки метров. Время, великий скульптор, стирает тиранов в пыль, превращает их бронзовые статуи в зелёную окись, их имена — в проклятье или, что ещё хуже, в пустой звук. А скалы остаются. Стоицизм Камня учит нас стратегическому терпению. Это пассивная агрессия высшего порядка, доступная только существам, чей горизонт планирования измеряется не кварталами и годами, а геологическими эрами. Мантра

Камня звучит леденяще и величественно: «Я не буду сопротивляться тебе прямо сейчас. Я даже не буду спорить. Я просто переживу тебя. Я дождусь, пока твоя Бумага, эти твои хартии, эти твои чувственные стихи, эти твои банкноты и акции, истлеет в труху. Я дождусь, пока твои Ножницы проржавеют насквозь и превратятся в коричневую шелуху. И на твоих костях, на твоём перегное, вырастет трава и полевые цветы, а я всё так же буду лежать здесь, у дороги, целый и невредимый, ибо я — суть, а ты — функция».

Но здесь, в этой точке абсолютной, сияющей непроницаемости, в этом апофеозе защиты, мы нащупываем первый трагический надлом архетипа. Ничто не даётся даром, и за броню из диорита приходится платить страшную цену. Трагедия Камня запрятана глубоко в его молекулярной решётке. Парадокс заключается в том, что самое твёрдое тело одновременно является и самым хрупким. Это аксиома физического мира, которую мы, по странной иронии, игнорируем в мире психологическом. Мы знаем это из сопромата, из сопротивления материалов: алмаз, эталон твердости по шкале Мооса, венец минералогического царства, можно разбить одним лёгким, почти небрежным ударом молотка. Почему? Потому что его жесткость, его кристаллическая решётка, лишает его пластичности. Ему некуда девать энергию удара, кроме как разорваться по спайности. Сталь гнётся, дерево пружинит, прогибается под ветром и возвращается обрат-

но, плоть заживает, наращивая рубец, который часто бывает прочнее прежней кожи. Но у Камня нет запаса гибкости. Его прочность — это его инвалидность, его врождённый порок. Если давление внешней среды превысит критическую отметку — а в жизни оно рано или поздно её превышает, потому что жизнь циклична и жестока — Камень не согнётся, не примет уродливую, но спасительную форму шпалы или рельса. Он расколется. Он не умеет уворачиваться, отступить, перетекать в другую форму, мимикрировать под ландшафт, как ящерица, меняющая цвет. Это расплата за ту самую гравитационную гордыню, за нежелание разжать кулак и превратить его в ласкающую или хотя бы просящую ладонь. Человек-Камень, исповедующий принципы незыблемости, часто заканчивает свою жизнь так же, как заканчивают свой век гранитные колоссы: они не рассыпаются в прах, нет, они не удостоиваются такой милости. Они просто дают трещину, и эта трещина проходит через самое сердце, через саму сердцевину их «я». Мы видим таких людей вокруг нас. Они населяют наши дома, наши офисы и наши учебники истории. Принципиальные до окаменелости, верные долгу до самоуничтожения, держащие слово, данное двадцать лет назад в мире, который давно умер, исчез, растворился, как Атлантида. Они вызывают восхищение и ужас одновременно. Это чувство сродни тому, что испытываешь перед обрывом: хочется и броситься вниз, и отшатнуться. Они прекрасны в своей монолитности, как античные статуи, но

жизнь — это не мастерская скульптора, жизнь — это камнепад. Одно неловкое движение судьбы, один случайный удар молотка обстоятельств — и вместо величественной фигуры мы видим грудку острых, опасных обломков, сплошные режущие кромки, о которые можно только порезаться. И они ранят всех, кто пытается их собрать, ранят своей болью, своей неспособностью сложиться во что-то новое. Камень не знает компромисса. Компромисс для него — это синоним предательства. А жизнь без компромисса, жизнь, прожитая на абсолютных скоростях прямооты, — это смертельная болезнь духа, ведущая к гарантированному одиночеству.

Главная битва, которую ведёт Камень, — это битва не с Ножницами и не с Бумагой. Эти двое — лишь ряженые, актёры на авансцене, наёмники. Его главный, онтологический враг — Время. И этот враг вооружён страшнейшим из орудий, орудием, против которого нет щита — эрозией. Воде, этому жидкому, бесформенному, мягчайшему из веществ, не нужно быть сильнее камня, чтобы победить его. Ей достаточно быть настойчивой. В этом кроется космическая несправедливость, которая сводит Камень с ума. Капля за каплей, микроскопическая доза за дозой, год за годом, тысячелетие за тысячелетием — и монолит превращается в песок. Вода не нападает в лоб. Она использует трещины, поры, слабые места, ту самую спайность, о которой мы говорили. Она просачивается, замерзает, расширяется,

разрывая камень изнутри. Это самое изощренное коварство: погубить не ударом, а проникновением. Это самый жестокий урок, который преподносит нам Вселенная: непрерывность слабого воздействия всегда побеждает статичную силу. Муравьи съедают труп льва. Корни травы взламывают бетон взлётных полос. Именно поэтому Бумага побеждает Камень в игре, что так возмущает нас в детстве. Этот выбор кажется нам абсурдным, жульничеством. Как лист бумаги может победить булыжник? Но Бумага — это метафора времени. Она оборачивает, обволакивает, накрывает, пеленает. Лист бумаги бесполезен против булыжника в прямом, лобовом столкновении. Но мы говорим не о столкновении, мы говорим о символическом поле, о мире идей, законов и смыслов. Именно Бумага — то есть информация, текст, закон, договор, Священное Писание — берёт верх над тупой, хотя и честной, материей. Нельзя разбить кулаком идею. Нельзя ударить закон в челюсть. Можно разбить лоб о стену тюрьмы, но нельзя разбить саму концепцию несвободы, ибо она нематериальна. Камень проигрывает Бумаге в долгой игре, потому что Камень существует в физическом пространстве координат, в Декартовой клетке X-Y-Z, а Бумага существует в пространстве смыслов, в ноосфере, которая бесконечно пластичнее, текучее и, прости господи, умнее. И здесь кроется глубочайшая онтологическая обида, детская травма архетипа. Камень чувствует (если позволить себе такую опасную антропоморфную метафору), что его предали. Он играл

честно. Он стоял прямо. Он не прятался за двусмысленностями, метафорами и интерпретациями. Он являл собой чистую силу, чистое бытие. А его победили при помощи символа, при помощи пустого листа, который сам по себе — ничто. Бумага без текста — это просто целлюлоза. Но добавьте чернила — и это уже приговор, это вексель, это отлучение от церкви. Камень бессилён против этого, и его трагедия — это трагедия всего материального, всего сущего перед лицом выдумки.

Так абсолютная защита становится тюрьмой. Это второй и самый важный парадокс Камня, диалектический тупик, из которого почти невозможно вырваться. Мы строим стены, чтобы защититься от внешней угрозы, от ветра, от зверя, от врага. Мы сжимаемся в кулак, чтобы спрятать мягкую, уязвимую ладонь с её интимными линиями жизни и сердца. Мы обрастаем панцирем принципов, догм и непоколебимых убеждений, как броненосец. Нам кажется, что мы становимся сильнее. Но в тот момент, когда строительство крепости завершено, когда заложен последний кирпич и залит последний зубчатый зубец, мы вдруг с леденящим ужасом обнаруживаем, что заперты внутри. Дверь, которую мы строили, чтобы не пускать чужих, не открывается изнутри. Свобода перемещения утрачена. Крепость, призванная спасти от врага, превращается в склеп. В мавзолей, где мумифицируется живое. Человек больше не дышит полной гру-

дью, он дышит спёртым воздухом своей непогрешимости. Камень, сжавшийся до состояния сингулярной точки, теряет способность взаимодействовать с миром. Его кулак не может взять, он может только держать. Это фундаментальная разница. Взять — значит раскрыться, протянуть руку, рискнуть. Держать — значит заостенеть в конвульсии. Кулак не может приласкать, не может погладить по голове плачущего ребёнка, не может написать письмо любимой или нарисовать картину. Все эти действия требуют раскрытия пальцев, требуют уязвимости. Всё его бытие сводится к судорожному, маниакальному удержанию того, чего уже нет, или того, что никогда не существовало в реальности, а жило лишь в его воображении. Это ловушка консерватизма в чистом виде. Архетип Камня — это патологический страх перемен, возведенный в ранг добродетели. Это защитный механизм, который со временем пожирает носителя. «Я таков, каким меня создал Бог, тектоника и давление тысячелетий, — говорит Камень, вглядываясь в трещины на своём теле. — Я не меняюсь, потому что меняться — значит предавать свою суть, значит признавать, что изначальная форма была несовершенна». Но мир вокруг меняется. Он течёт, он дышит, он клокочет. И в какой-то момент Камень, лежащий поперёк русла новой реки, становится просто препятствием, порогом, который либо снесут динамитом прогресса, либо, что гораздо обиднее, обойдут стороной и забудут, как забывают старый межевой камень, заросший мхом.

В человеческой психологии этот архетип проявляется с пугающей частотой, и мы редко узнаём его в лицо, потому что привыкли романтизировать твердость. Мы называем это ригидностью, косностью, ослиным упрямством, иногда — верностью, иногда — тупостью. Границы размыты. Отец, который не может простить дочь за выбор «не того» мужчины, не потому что он зол или мстителен, а потому что его внутренняя кристаллическая решётка не предусматривает опции «пересмотреть решение». В его системе координат дочь, вышедшая замуж за Иванова, — это сбой матрицы, и он скорее разрушит вселенную (свою семью), чем допустит ошибку в коде. Он — Камень. Начальник, требующий соблюдения устава, написанного в другую эпоху, перед лицом пожара и катастрофы. Вместо того чтобы спасти людей, он спасает инструкцию. Политик, цепляющийся за мёртвую идеологию, как утопающий за обломок мачты, и тянущий на дно всех, кто рядом. Да и просто человек, который носит одну и ту же причёску сорок лет, живёт в одном доме, ходит в один магазин за одним и тем же сортом хлеба и умирает от разрыва сердца, когда этот магазин внезапно закрывают или перестраивают. Это всё проявления Каменной природы. Мы жалуем их, но и восхищаемся ими, потому что в их окаменелости есть мрачное, inferнальное величие. Есть что-то нечеловечески прекрасное в том, чтобы остаться стоять, когда все остальные прогнулись, когда все взяли под козырёк но-

вой власти, надели новую форму и выбросили старые партбилеты. История помнит не тех, кто выжил любой ценой, а тех, кто не сломался. Но история — это Бумага, а жизнь — это горячая, алая кровь, текущая по жилам здесь и сейчас. Стоит ли правота вечности того, чтобы прожить эту вечность в полном одиночестве, замурованным в склепе собственной честности? Стоит ли истина того, чтобы ради неё умереть от холода, когда рядом никого нет?

Трагедия Камня достигает своего апогея в момент соприкосновения с Другим. Это момент истины. Камень не умеет в эмпатию не потому, что он злой, порочный или черствый (черствость — это свойство хлеба, то есть органики, процесс гниения крахмала), а потому, что эмпатия требует резонанса. Она требует, чтобы внутри тебя была пустота, полость, дека, способная отозваться на вибрацию чужой боли. Скрипка звучит потому, что она пуста внутри. Но Камень сплошной. В нём нет пустот, нет пещер, нет внутреннего убранства. Это монолит. Звук чужого голоса, крик о помощи, стон отчаяния не проникают внутрь, они отражаются от гладкой, полированной поверхности, возвращаясь к отправителю искажённым, ледяным эхом. Люди-Камни часто абсолютно искренне не понимают, почему окружающие страдают. Они не садисты, они не наслаждаются болью, они просто не распознают её как реальность. «Я же сделал всё, что должен был», — говорит он с недоумением, стоя над руинами чьей-то на-

жды. Он обеспечил быт, он защитил от врага, он не предал, не ушёл к другой. Он выполнил функцию. Но он не смог утешить. Утешение — это не функция, это искусство, это дыхание. Утешение — это Ножницы, разрезающие ткань горя на лоскуты, делающие его переносимым, или Бумага, впитывающая слёзы и превращающая их в стихи. Камень не впитывает. Он гидрофобен, водоотталкивающий. Слёзы стекают по его холодным граням, не оставляя следа, не проникая в поры. Он остаётся сухим посреди потопа чужого горя. В этом глубокая, неизбывная боль архетипа: Камни очень часто бывают покинутыми. Их оставляют не из ненависти, а от отчаяния. Учителя, воспитавшие поколения, отдавшие им зрение и сердце, но оставшиеся в пустых, гулких классах, где пахнет мелом и одиночеством. Матери, отдавшие всё, оторвавшиеся от себя, но встретившие старость в казённых домах престарелых, потому что их любовь была слишком твёрдой, слишком правильной, слишком гранитной, чтобы в ней можно было утонуть, чтобы в ней можно было искать укрытия. Их сила стала их проклятием. Их кулак, сжатый для защиты, оказался непригоден для объятий. Объятия — это круг, это кольцо рук, а кулак — это точка. Точка не может обнять. Точка может только колоть.

Но значит ли это, что архетип Камня обречён и не несёт в себе никакого позитивного, живого, оплодотворяющего начала? Было бы величайшей ошибкой мыслить так плоско, в

чёрно-белом спектре. Смысл Камня раскрывается не в динамике, а в статике. Мы живём в мире, патологически помешанном на гибкости. Со всех сторон, из каждого утюга, из каждого мотивационного ролика нам кричат: «Будь адаптивным! Меняйся! Будь водой, обтекай препятствия, будь проактивным и турбулентным!» Но мир, состоящий из одной воды, — это болото, это потоп, это хаос, лишённый берегов. Мир, где нет ничего твёрдого, сходит с ума от зыбкости. Он нуждается в Камне не как в оружии, а как в фундаменте. Это не слабость — быть основанием. Это миссия. Без Камня не на чем писать Бумаге. Писание на воде — это бессмыслица, которой занимаются безумцы. Без Камня Ножницам нечего резать, кроме пустоты, а ножницы, щёлкающие в воздухе, — это холостой выстрел, спазм, а не действие. Камень — это абсолютное прошлое, но прошлое — это не грязное слово, не ругательство, которым клеймят отсталых. Прошлое — это корневая система. Дерево не стыдится своих корней, хоть они и уродливы, хоть они и скрыты под землёй, во тьме, в грязи. Оно гордится ими, ибо без корней крона падает. Человек без внутреннего Камня — это флюгер, человек без принципов, существо без позвоночника, желеобразная масса, которая сломается при первом же серьёзном ветре, потому что его не держит гравитация собственной души. Величие Камня не в нападении, а в свидетельстве. Он — хранитель памяти. Уберите из истории камни — не останется ни пирамид, ни надгробий, ни храмов, ни стен Иерихона. Всё станет

мусором, перегноем, трухой. Камень — это сопротивление энтропии. Это попытка сказать времени своё веское «Нет». Замри. Остановись. Пусть этот миг, этот единственный, драгоценный миг длится вечно. Это бунт против стрелы времени.

Именно здесь, на пике осознания своего космического одиночества и своей необходимости миру, Камень обретает подлинную, выстраданную мудрость. Он проходит инициацию. Он понимает, что его задача — не победить Ножницы или Бумагу в детской драке. Его задача — дать им точку опоры. Даже разрезая бумагу, ножницы нуждаются в твёрдой, неподвижной поверхности стола, иначе лезвия сомнутся или разрежут пустоту. Даже накрывая мир текстом, изменяя сознание, Бумага нуждается в каменной плите печатного станка, чтобы буквы впечатались намертво. Камень — это слуга, а не господин. И в этом служении — не унижение, а высшая свобода. Как только он пытается стать господином, диктатором, единственной силой, он превращается в надгробную плиту для всего живого, в тоталитарный режим, где нельзя дышать. Но как только он добровольно, осознанно, с полным смирением принимает роль основания, он обретает истинное величие. Сжатый кулак, наконец, перестаёт быть символом угрозы и становится символом сосредоточения. Вспомните роденовского «Мыслителя»: его кулак подпирает подбородок, он не занесён для удара, он — опора для

мысли, для Бумаги, которая рождается из этой мысли. В кулаке ничего нет, кроме силы. Но сила — это потенциал действия, это чистая энергия. Кулак можно положить под голову спящему, даря ему ощущение безопасности. Кулаком можно постучать в дверь, прося впустить. Кулак, сжатый не в истерике гнева, а в спокойной, солнечной решимости, перестаёт быть оружием, становясь якорем, который держит корабль во время шторма.

Весь путь стойка, весь путь посвящённого Камня — это путь от дикой, угловатой базальтовой глыбы, гонимой ледником и не ведающей своей цели, к краеугольному камню, на котором держится весь свод, вся конструкция бытия. Отвергнутый строителями, признанный негодным для фасада, слишком грубый и неотёсанный, он ложится в основание. Туда, где темно, где его не видно, где на него давит страшная тяжесть, но именно он держит всё. В этом нет раболепия, в этом — высшая форма служения миру, осознанная жертва. Камень не кричит о себе. Он молчит. И в его молчании — океаны протекших эпох, музыка сфер, скрежет динозавров и шёпот первых молитв. Он знает то, чего не знают сутливые, вечно бряцающие лезвиями Ножницы и легковесная, трепещущая от малейшего сквозняка перемен Бумага. Он знает главную тайну: всё пройдёт. Всё это закончится. Вся эта боль, эта суeta, эта борьба. Всё рассыплется в прах. И только он, Камень, останется лежать на перекрёстке дорог,

на перепутье миров, молчаливо указывая путь тем, кто способен остановиться, перестать нестись сломя голову и, прекратив бессмысленную игру на победу, просто прикоснуться к вечности. Парадокс несокрушимости разрешается не через разрушение врага, а через снятие самого вопроса о сопротивлении. Камень перестаёт бояться Бумаги, когда соглашается стать не кулаком, а горой. А гору, как известно, бумагой не накрыть, указом не отменить и ножницами не разрезать. Её можно только принять как данность, как ландшафт души, как ту самую несдвигаемую точку опоры, в поисках которой человечество, само того не зная, сжимает пальцы вновь и вновь, воспроизводя самый древний, самый честный и самый трагический жест в истории мироздания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.